

Дом на Андреевском

Старожилы помнят, как на стене совершенно обычного дома № 13 по Андреевскому спуску с неизменным постоянством, несмотря на все старания властей, вновь и вновь появлялась загадочная надпись, выцарапанная чьей-то рукой, — «Дом Булгакова».

Михаил БУЛГАКОВ.

Воспоминание...

У многих, очень многих, есть воспоминания, связанные с Владимиром Ильичем, и у меня есть одно. Оно чрезвычайно прочно, и расстаться с ним я не могу. Да и как расстаться, если каждый вечер, лишь только серые гармони труб нальются теплом и приятная волна потечет по комнате, мне вспоминается и желтый лист моего знаменитого заявления и вытертая кацавейка Надежды Константиновны...

Как расстанешься, если каждый вечер, лишь только нальются нити лампы в 50 свечей, и в зеленой тени абажура я могу писать и читать в тепле, не помышляя о том, что на дворе ветерок при 18 градусах мороза.

Мыслимо ли расстаться, если, лишь только я подниму голову, встречаю над собой потолок. Правда, это отратительный потолок — низкий, закопченный и треснувший, но все же он потолок, а не небо в звездах над Пречистенским бульваром, где, по точным сведениям науки, даже не 18 градусов, а 271, и все они ниже нуля. А для того, чтобы прекратить мою литературно-рабочую жизнь, достаточно гораздо меньшего количества их. У меня же под черными фестонами паутины — 12, выше нуля, свет, и книги, и карточка жилтоварищества. А это значит, что я буду существовать столько же, сколько и весь дом. Не будет пожара — и я жив.

Но расскажу по порядку. Был конец 1921 года. И я приехал в Москву. Самый переезд не составил для меня особенных затруднений, потому что багаж мой был совершенно компактен. Все мое имущество помещалось в ручном чемоданчике. Кроме того, на плечах у меня был бараний полушубок. Не стану описывать его. Не стану, чтобы не возбуждать в читателе чувство отвращения, которое и до сих пор терзает меня при воспоминании об этой лохмотной дряни.

Достаточно сказать, что в первый же рейс по Тверской улице я шесть раз слышал за своими плечами восхищенный шепот:

— Вот это полушубочек!
 Два дня я походил по Москве и, представьте, нашел место. Оно не было особенно блестящим, но и не хуже других мест: также давали крупы и также жалование платили в декабре за август. И я начал служить.

И вот тут в безобразнейшей наготе предомной стал вопрос... о комнате. Человеку нужна комната. Без комнаты человек не может жить. Мой полушубок заменял мне пальто, одеяло, скатерть и постель. Но он не мог заменить комнаты, так же, как и чемоданчик. Чемоданчик был слишком мал. Кроме того, его нельзя отапливать. И, кроме того, мне казалось неприличным, чтобы служащий человек жил в чемодане.

Я отправился в жилотдел и простоял в очереди 6 часов. В начале седьмого часа я в хвосте людей, подобных мне, вошел в кабинет, где мне сказали, что я могу получить комнату через два месяца.

В двух месяцах приблизительно 60 дней, и меня очень интересовал вопрос, где я их проведу. Пять из этих ночей, впрочем, можно было отбросить: у меня было 5 знакомых семейств в Москве. Два раза я спал на кушетке в передней, два раза на стульях и один раз на газовой плите. А на шестую ночь я пошел ночевать на Пречистенский бульвар. Он очень красив. Этот бульвар, в ноябре месяце, но ночевать на нем нельзя больше одной ночи в это время. Каждый, кто желает, может в этом убедиться. Ранним утром, лишь только небо над громадными куполами побледнело, я взял чемоданчик, покрывшийся серебряным инеем, и отправился на Брянский вокзал. Единственно, чего я хотел после ночевки на бульваре — это покинуть Москву. Без всякого сожаления я оставлял рыжую крупу в мешке и ноябрьское жалование, которое мне должны были выдавать в феврале. Купола, крыши, окна и московские люди были мне ненавистны, и я шел на Брянский вокзал.

Тут и случилось нечто, которое нельзя назвать иначе как чудом. У самого Брянского вокзала я встретил своего приятеля. Я полагал, что он умер.

Но он не только не умер, он жил в Москве, и у него была отдельная комната. О, мой лучший друг! Через час я был у него в комнате.

Он сказал:
 — Ночуй. Но только тебя не пропустят. Ночью я ночевал, а днем ходил в домовое управление и просил, чтобы меня прописали на совместное жительство.

Председатель домового управления, толстый, окрашенный в самоварную краску, человек, в барашковой шапке и с барашковым же воротником, сидел, растопырив локти, и медными глазами смотрел на дыры моего полушубка. Члены домового управления в барашковых шапках окружали своего предводителя.

— Пожалуйста, пропишите меня, — говорил я, — ведь хозяин комнаты ничего не имеет против того, чтобы я жил в его комнате. Я очень тихий. Никому не буду мешать. Пьянствовать и стучать не буду...

— Нет, — отвечал председатель, — не пропишу. Вам не полагается жить в этом доме.
 — Но где же мне жить, — спрашивал я, — где? Нельзя мне жить на бульваре.
 — Это меня не касается, — отвечал председатель.

— Вылетайте, как пробка! — кричали железными голосами сообщники председателя.
 — Я не пробка, я не пробка, — бормотал я в отчаянии, — куда же я вылечу. Я — человек...
 Отчаяние съело меня.

Так продолжалось пять дней, а на шестой явился какой-то хромой человек с банкой от керосина в руках и заявил, что если я не уйду завтра сам, меня уведет милиция.

Тогда я впал в остеревение.

Ночью я зажег толстую венчалную свечу с золотой спиралью. Электричество было сломано уже неделю, и мой друг освещался свечами, при свете которых его тетка вручила свое сердце и руку его дяде. Свеча плакала восковыми слезами. Я разложил большой чистый лист бумаги и начал писать на нем нечто, начинавшееся словами: Председателю Совнаркома Владимиру Ильичу Ленину. Все, все я написал на этом листе: и как я поступил на службу, и как ходил в жилотдел, и как видел звезды при 270 градусах над храмом Христа, и как мне кричали:

— Вылетайте, как пробка.

Ночью черной и угольной, в холоде (отопление тоже сломалось) я заснул на дырявом диване и увидел во сне Ленина. Он сидел в кресле за письменным столом в круге света от лампы и смотрел на меня. Я же сидел на стуле напротив него в своем полушубке и рассказывал про звезды на бульваре, про венчалную свечу и председателя.

— Я не пробка, нет, не пробка, Владимир Ильич.

Слезы обильно струились из моих глаз.

— Так... так... так... — отвечал Ленин.

Потом он звонил.

— Дать ему ордер на совместное жительство с его приятелем. Пусть сидит веки-вечные в комнате и пишет там стихи про звезды и тому подобную чепуху. И позвать ко мне этого каналью в барашковой шапке. Я ему покажу совместное жительство.

Приводили председателя. Толстый председатель плакал и бормотал:

— Я больше не буду.

Все хохотали утром на службе, увидев лист, писанный ночью при восковых свечах.

— Вы не дойдете до него, голубчик, — сочувственно сказал мне заведующий.

— Ну так я дойду до Надежды Константиновны, — отвечал я в отчаянии, — мне теперь все равно. На Пречистенский бульвар я не пойду.

И я дошел до нее.

В три часа дня я вошел в кабинет. На письменном столе стоял телефонный аппарат. Надежда Константиновна в вытертой какой-то меховой кацавейке вышла из-за стола и посмотрела на мой полушубок.

— Вы что хотите? — спросила она, разглядывая в моих руках знаменитый лист.

— Я ничего не хочу на свете, кроме одного — совместного жительства. Меня хотят выгнать. У меня нет никаких надежд ни на кого, кроме Председателя Совета Народных Комиссаров. Убедительно вас прошу передать ему это заявление.

И я вручил ей мой лист.

Она прочитала его.

— Нет, — сказала она, — такую штуку подавать Председателю Совета Народных Комиссаров?

— Что же мне делать? — спросил я и уронил шапку.

Надежда Константиновна взяла мой лист и написала сбоку красными чернилами:

«Прошу дать ордер на совместное жительство».

И подписала:

Ульянова.

Точка.

Самое главное то, что забыл ее поблагодарить.

Забыл.

Криво надел шапку и вышел.

Забыл.

В четыре часа дня я вошел в прокуренное домовое управление. Все были в сборе.

— Как? — вскричали все, — Вы еще тут?

— Вылета...

— Как пробка? — злоево спросил я. — Как пробка? Да?

Я вынул лист, выложил его на стол и указал пальцем на заветные слова.

Барашковые шапки склонились над листом, и мгновенно их разбил паралич. По часам, что тикали на стене, могу сказать, сколько времени он продолжался.

Три минуты.

Затем председатель ожил и завел на меня угасающие глаза:

— Улья?... — спросил он суконным голосом.

Опять в молчании тикали часы.

— Иван Иванович, — расслабленно молвил барашковый председатель, — выпиши им, друг, ордерок на совместное жительство.

Друг Иван Иванович взял книгу и, скребя пером, стал выписывать ордерок в гробовом молчании.

Я живу. Все в той же комнате с закопченным потолком. У меня есть книги, и от лампы на столе лежит круг. 22 января он налит красным светом, и тотчас вышло в свете передо мной лицо из сонного видения — лицо с бородкой клинышком и крутые бугры лба, а за ним в тоске и отчаянии седоватые волосы, вытертый мех на кацавейке и слово красными чернилами — Ульянова.

Самое главное, забыл я тогда поблагодарить.

Вот оно неудобно как...

Благодарю вас, Надежда Константиновна.

Из «Записок на манжетах».

Он долгое время оставался писателем «широко известным в узких кругах». Практически не издавался. Его читали в самиздате, перепечатывали вручную. После хрущевской оттепели вновь наступило похолодание. И только в последнее время начали активно публиковать — таким образом, широкий круг читателей получил возможность узнать его не только как автора «Мастера и Маргариты», «Белой гвардии», «Дней Турбиных», но и «Театрального романа», множества повестей, рассказов и пьес.

Многое связывает Михаила Афанасьевича с Киевом — городом, где он родился и вырос.

«Ах, какие звезды на Украине. Вот семь лет почти живу в Москве, а все-таки тянет меня на родину. Сердце шемит, хочется иногда мучительно в поезд... и туда. Опять увидеть обрывы, занесенные снегом. Днепр... Нет красивее города на свете, чем Киев».

Эти строки из раннего рассказа Булгакова. Сколько в них любви и нежности к своей родине! Еще глубже начинаешь понимать его чувства, посетив открывающийся в эти майские дни дом-музей Михаила Булгакова.

Да, мечта многих поколений киевлян начинает сбываться. Решением горисполкома дом на Андреевском спуске полтора года назад передан музею истории Киева для создания в нем дома-музея замечательного писателя и человека. Здесь семья Булгаковых, никогда не имевшая собственной квартиры, с 1906 по 1919 год снимала весь второй этаж. Ничем не примечательный внешне киевский дом на неудобном для строительства месте был возведен более ста лет назад по проекту архитектора Горденина. Но Булгаковы его любили, находя, что он «постройки изумительной». Они занимали семь комнат — по нашим меркам многовато, но ведь и семья была большая: у Афанасия Ивановича и Варвары Михайловны было семеро детей, вместе с ними постоянно жили также сыновья брата отца, священника русской церкви в Японии (мальчишек, кстати, прозвали за это «японцами»). А еще двоюродная сестра Иллариия и вдова младшего брата Афанасия Ивановича — Ирина Лукинична. Семейство было очень дружным, мир и счастье наполняли «все семь пыльных и полных комнат». Здесь Михаил Булгаков написал «Дни Турбиных», поселив своих героев в дом, где жил сам.

Создатели музея ставили перед собой задачу придать дому № 13 тот вид, который был при жизни писателя (ведь до последнего времени в нем была коммунальная квартира). По крупицам собирали воспоминания, документы, фотографии... Сейчас дом полностью восстановлен по проекту И. М. Малаховой.

Рассказывает директор дома-музея М. Булгакова Анатолий Петрович Кончаковский: «Дом Турбиных, в котором жили Булгаковы» — такова концепция нашего музея. Мы очень хотим, чтобы дом Булгакова не был похож на большинство других музеев, хотим сделать его живым. Чтобы к нам приходила молодежь, люди, которых интересуют Булгаков — живой человек, а не памятник. Будем проводить вечера, встречи с актерами и писателями, историками и просто интересными людьми. Устранять выставки молодых художников, концерты... Мы будем бороться с «музейной пылью» именно таким способом. Ведь мертвый дом не может создать полное впечатление об этом очень жизненно-живом человеке.

На первом этаже будет экспозиция новых поступлений. Уже сейчас мы имеем более 150 подлинных вещей, принадлежащих семье Булгаковых. Есть автографы Михаила Афанасьевича, его записки, письма и многое другое. А на втором этаже разместится литературно-мемориальный музей.

15 мая в 12 часов в Крестовоздвиженской церкви, где крестился Михаил Булгаков, состоится молебен, а в 13 часов откроет двери дом-музей. Мы приглашаем к себе всех, кто любит и ценит гений Булгакова.

Н. ЗЕЛЕНИНА.